

Пилатова Валентина Николаевна

**СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА
Е. И. ЗАМЯТИНА "ПЕЩЕРА")**

В статье исследуются законы ассоциации слов в действии, а также обусловленные этим фактором переводческие сложности. Впервые изучается проблема дифференциации дискурса оригинального произведения и дискурса читателя его перевода с точки зрения сохранения символической функции текста. Автор приходит к заключению, что, хотя экспликативный потенциал переведённого произведения предстаёт читателю частично изменённым, данное положение дел не умаляет качество выполненной переводчиком работы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/1-2/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 1(67): в 2-х ч. Ч. 2. С. 163-165. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

STANDARDS REPRESENTING TIME IN THE TUVINIAN HEROIC LEGENDS

Ondar Mengi Vasil'evna
Tuvan State University, Kyzyl
mengi89@yandex.ru

The article attempts to examine the standard phrases indicating the time in the texts of heroic tales. The author determines in what way the language of heroic tales is significantly different from other genres of folklore. In the course of the analysis of standard phrases, the author pays attention to the frequency of use of standard phrases and their variants. The determination of the means of expressing the category of time in the epics of the Tuvinians is the result of the study.

Key words and phrases: standard phrases; the Tuvinian heroic epos; epic language; clichés; time category.

УДК 81'44

В статье исследуются законы ассоциации слов в действии, а также обусловленные этим фактором переводческие сложности. Впервые изучается проблема дифференциации дискурса оригинального произведения и дискурса читателя его перевода с точки зрения сохранения символической функции текста. Автор приходит к заключению, что, хотя экспликативный потенциал переведённого произведения предстаёт читателю частично изменённым, данное положение дел не умаляет качество выполненной переводчиком работы.

Ключевые слова и фразы: символическая функция языка; ассоциативный признак слова; эвристический потенциал высказывания; экспликация; внутренняя форма слова; валентность мысли; дифференциация дискурса.

Пилатова Валентина Николаевна, к. филол. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
pilatova_vn@mail.ru

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА Е. И. ЗАМЯТИНА «ПЕЩЕРА»)

Под символической функцией языка понимается способность слов вызывать ассоциации. Возникающие при восприятии слов ассоциации у разных людей не обязательно совпадают. Причиной этого обстоятельства является наличие индивидуальных особенностей у отдельного человека и данной референтной группы людей. Накладываясь на воспринимаемый текст, система ценностей реципиента, его интересы, знания, настроенные формируют представление о ходе мыслей автора речи. В результате возникает дискурс слушателя, который не может быть эквивалентным дискурсу говорящего. Более того, дискурс отдельного слушателя тоже не является постоянной величиной, поскольку люди меняют взгляды, кругозор, приоритеты. Один и тот же текст для одного и того же человека будет символизировать разные вещи в разное время.

Цель нашей работы – доказать, что символический характер семантики речи может быть обусловлен национальной культурой, главными составляющими которой являются языковая система и история народа.

Н. В. Крушевский считает, что слова любого языка имеют беспредельный символический характер в силу своей сложности и неопределённости. Человек стремится привести в полное соответствие мир слов и мир понятий. Однако этот процесс затрудняют действующие в языке законы ассоциации, которые одинаково важны для понимания как психических, так и лингвистических явлений [2, с. 149].

Психические и лингвистические явления как результат действия законов ассоциации описывает А. Ф. Лосев. Он считает, что логос призван ограничить потенциальную валентность мысли, придать связанность созерцаемой бесконечной картине мира. Вместе с тем, языковое выражение, превращаясь в объект созерцания, нередко становится отправной точкой для активизации психических процессов и возникновения дискурса [3, с. 166].

А. А. Потебня, убеждённый в том, что область языка не совпадает с областью мысли, также изучал ассоциативную природу мышления. В слове он выделяет не только внешнюю форму – знак (уже готовый запас знаний о предмете), но и его внутреннюю форму – образ, или представление. Под представлением понимается ассоциативный признак, по которому мы в предмете выделяем вновь познаваемое, ранее неизвестное [4, с. 146-147].

Вышеприведённые умозаключения представляются полезными при сравнении художественного произведения и его перевода на другой язык. В рамках данной работы сравнению подлежат рассказ Е. И. Замятина «Пещера» и его перевод на английский язык, осуществлённый профессиональным переводчиком А. М. Шейном [1, р. 290-313]. В фокус нашего внимания попадают высказывания, символическая функция которых оказывается изменённой в тексте перевода, несмотря на высокое качество работы уважаемого коллеги, господина А. М. Шейна.

В рассказе «Пещера» Е. И. Замятин часто использует собственные неологизмы в форме наречий, которые в переводе отображены другими частями речи, чаще всего существительными:

– *потопно перепутанные чистые и нечистые твари* [Ibidem, р. 292] / *clean and unclean creatures – flood-confounded* [Ibidem, р. 293] (*чистые и нечистые твари, перепутанные потопом*);

- **каменно-вековые гончарного вида лепёшки** [Ibidem, p. 292] / *stone-age flat cakes resembling pottery* [Ibidem, p. 293] (*плоские лепёшки каменного века, напоминающие гончарные изделия*);
- **кандално позвякивая ведёрком** [Ibidem, p. 296] / *with a fetter-like rattle of the pail* [Ibidem, p. 297] (*с грохотом, похожим на грохот кандалов, ведра*);
- **пунктирно дыша** [Ibidem, p. 302] / *his breath punctuated* [Ibidem, p. 303] (*с прерывистым дыханием*);
- **глиняно улыбаясь** [Ibidem, p. 306] / *smiling a clay smile* [Ibidem, p. 307] (*улыбаясь глиняной улыбкой*);
- **пожирая пергаментно-жёлтую... бумагу** [Ibidem, p. 310] / *devouring the parchment-yellow... paper* [Ibidem, p. 311] (*пожирая жёлтую, как пергамент, бумагу*).

Ассоциация, возникающая при столкновении с авторскими наречиями, отсылает нас к его эпохе – Рубежа веков, – которая в России ознаменована новациями футуристов, символистов, неореалистов. Изобретение новых способов выражения было универсальным явлением в литературной среде этого времени. Текст перевода прекрасно передаёт знаковую, внешнюю форму слова, однако внутренняя форма слова – отмеченный нами ассоциативный признак – отсутствует.

Рассказ изобилует просторечными выражениями, которые автор намеренно вводит в текст, чтобы вникнуть в самую суть народной жизни. В переводе они нередко подвергаются расшифровке и обретают нейтральный стилистический характер.

Например, *Мартин Мартиныч и Маша заколотили кабинет* [Ibidem, p. 292] переведено *Martin Martinyuch and Masha boarded up the study* [Ibidem, p. 293], что означает *Мартин Мартиныч и Маша обили досками кабинет*.

Фраза *листья уже пожелкли, пожухли* [Ibidem, p. 294] переведена *leaves have already yellowed, dulled* [Ibidem, p. 295], что значит *листья уже пожелтели, потускнели*.

Словосочетание *картофельная шелуха* [Ibidem, p. 296] превращается в *potato peels* [Ibidem, p. 297], что, однозначно, *картофельные очистки*.

Аналогичные примеры:

с воли залетевшая в комнату птица [Ibidem, p. 296] / *a free bird which had flown into a room* [Ibidem, p. 297] (*свободная птица, которая залетела в комнату*);

за водичкой [Ibidem, p. 296]? / *You've come for some water* [Ibidem, p. 297]? (*Вы пришли за водой?*);

Пожалуйте [Ibidem, p. 296] / *Come in* [Ibidem, p. 297] (*Входите*);

...не напотишься [Ibidem, p. 298]! / *...you just can't get enough heat* [Ibidem, p. 299]! (*нельзя получить достаточно тепла*);

Прислушался – услышал [Ibidem, p. 298] / *He listened: he heard* [Ibidem, p. 299] (*он слушал, он услышал*);

у нас стучат [Ibidem, p. 302] / *someone is knocking at the door* [Ibidem, p. 303] (*кто-то стучит в дверь*);

третьегодня [Ibidem, p. 304] / *the day before yesterday* [Ibidem, p. 305] (*позавчера*);

По ихнему [Ibidem, p. 306] / *In their lingo* [Ibidem, p. 307] (*на их языке*).

Универсальные народные выражения персонажей Е. И. Замятина вызывают ассоциации, связанные с незамысловатостью скупого общения обесилевших, попавших в беду людей. Экономить приходится даже на словах: приоритет отдан исконным однозначным фразам. Красноречивые, этикетные высказывания в данной ситуации становятся невозможными и ненужными. Просторечие, как известно, принадлежит к числу безэквивалентной лексики. Соответственно, дискурс читателя перевода будет лишён ощущения общенародного характера бедствия.

Е. И. Замятин намеренно использует слова с неправильной орфографией, копируя произношение в условиях бытового общения:

Скипел чай [Ibidem, p. 310]? / *Has the tea boiled* [Ibidem, p. 311]? (*Вскипел чай?*);

На тёмной обледенелой от водяных splесков лестнице [Ibidem, p. 296]... / *On the dark stairway, icy with water splashes* [Ibidem, p. 297]... (*На тёмной лестнице, обледенелой от водяных всплесков*).

Внутренняя форма этих слов напоминает нам о распространённом в начале советского периода стремлении к упрощению орфографии русского языка за счёт приближения написания к произношению. Дискурс читателя перевода, конечно же, лишён данного ассоциативного вектора.

Слово *сударь* [Ibidem, p. 306] вызывает ностальгию по утраченному традиционному в Российской Империи учтивому обращению. Перевод *dear sir* [Ibidem, p. 307] безупречен, но он не может привести в дискурс читателя чувство сожаления по поводу отсутствия формы обращения «сударь» в современном обществе.

В именах героев *Март*, *Обёртышев* читаются образы, соответственно, весны и оборотня. Перевод *Mart*, *Obertyshev* не создают подобный подтекст.

В реплике *Чик! Как вы не знаете? По ихнему, честь имею кланяться – ч. и. к.* [Ibidem, p. 306] слышится намёк на неумную в тот период моды на аббревиатуры. Перевод: *Pam! What? You don't know? In their lingo, the pleasure's all mine – p. a. m.* [Ibidem, p. 307] – представляет собой талантливое решение мастера. Однако замятинская аллюзия на характерную тенденцию времени, скорее всего, останется за пределами понимания не искушённого в русской истории англоязычного читателя.

Имеются и другие примеры возможной погрешности восприятия рассказа в переводе, объясняемые недостаточной историко-культурной осведомлённостью.

Идеально переведённая шутка *Я... – Зиновьев: на колени* [Ibidem, p. 304]! / *I am Zinoviev... on your knees* [Ibidem, p. 305]! без знания того факта, что Г. Е. Зиновьев в то время занимал должность председателя Петроградского совета, будет воспринята сомнительно.

Among the rocks, where ages ago had stood Petersburg... [Ibidem, p. 293] полностью сохраняет фактообразующую и прагматическую информацию высказывания *Между скал, где века назад был Петербург...* [Ibidem, p. 292]. Однако представления о быстром превращении Санкт-Петербурга во время Гражданской войны в неузнаваемый блокадный город не даёт ни русский текст, ни английский. Мысль автора будет понятна тому читателю, который изначально обладает знанием исторического контекста. В противном случае символика тоски по прошлому может оказаться непонятой.

Сохранить эвристический потенциал высказывания и потребность в мысленной экспликации призвано метатекстовое сопровождение: сноски, примечания и т.д. Проблема заключается в том, что ограниченный по понятным причинам объём такого сопровождения едва ли будет достаточным. Добросовестно проделавший свою работу переводчик в состоянии передать фактуальную информацию и коммуникативную установку автора, но обеспечить сохранность символической функции исходного текста он по объективным причинам может лишь отчасти.

Итак, символическая функция языковой единицы определяется её ассоциативным признаком. Изученные переводческие решения обнаруживают тенденцию к недооцениванию автора перевода значимости дискурсивного потенциала произведения. В силу культурных различий символическое содержание переведённого текста отличается от символического содержания оригинала, что является причиной дифференциации дискурса читателей подлинного произведения и его копии на иностранном языке.

Список литературы

1. **Замятин Е. И.** Пещера // Russian Stories. A Dual-Language Book / ed. by G. Struve. N. Y.: Dover Publications, 1990. P. 290-313.
2. **Крушевский Н. В.** Очерк науки о языке. Казань: Типография Императорского Университета, 1883. 240 с.
3. **Лосев А. Ф.** Философия имени // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 11-194.
4. **Потебня А. А.** Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 613 с.

SYMBOLIC FUNCTION OF A LANGUAGE AS A TRANSLATION PROBLEM (BY THE EXAMPLE OF THE STORY BY E. I. ZAMYATIN "THE CAVE")

Pilatova Valentina Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg University
pilatova_vn@mail.ru

The article examines the actual principles of word association and translation difficulties motivated by this factor. For the first time the paper analyzes the problem of differentiating between the discourse of original literary work and the translation reader's discourse from the viewpoint of preserving text's symbolic function. The author concludes that, though the explicative potential of the translated literary work is presented to the reader in a slightly modified form, this fact does not depreciate the quality of translator's work.

Key words and phrases: symbolic function of language; associative feature of word; heuristic potential of statement; explication; inner form of word; thought valency; discourse differentiation.

УДК 81'23

Данная статья посвящена выявлению некоторых особенностей репрезентации компонентов бинарной оппозиции «мужчина/женщина» в лексикографических источниках хакасского, русского и английского языков. Результаты контрастного исследования показали, что большинство проанализированных лексикографических источников фиксируют биологическую противоположность лиц мужского и женского пола, а также определенный набор гендерных ролей и стереотипов.

Ключевые слова и фразы: бинарная оппозиция; образ мужчины; образ женщины; лексикографическое значение; гендер.

Покаякова Карина Александровна

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан
karina_p.84@mail.ru

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ «МУЖЧИНА/ЖЕНЩИНА» В ХАКАССКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Оппозиция *мужское/женское* является одной из базовых для человеческой культуры, зародившейся в глубокой древности, поэтому объёмные и многогранные концепты *мужчина* и *женщина* относятся к категории ключевых в хакасской, русской и английской языковой картине мира. Исследуемые антонимические существительные *мужчина* и *женщина* характеризуются высокой степенью употребления. Так, например, они составляют «лексический минимум, из которого складывается фундамент повседневной коммуникации» современных носителей русского и английского языков [1, с. 35, 61; 11, с. 74, 134].